

КАК РОЖДАЮТСЯ СЮЖЕТЫ

О СЕНЬЮ 1946 года Константин Симонов неожиданно появился в Киеве, приехал звать меня в «Новый мир» — в те дни Симонов формировал редколлегия журнала и посчитал, что, став москвичом, я смогу принести пользу делу. Я согласился, немного удивив его тем, что не захотел идти на должность, в штат, сказал, что служить буду в Центральном театре Советской Армии, меня настойчиво приглашал в завлито Алексей Дмитриевич Попов, но Киев вот уже год не отвечал на письма Главпура. Редактору журнала не придется думать о квартире для меня, а новомирские обязанности я буду исполнять исправно.

Интересы мои столь тесно, а точнее сказать, узко сходились на театре и драматургии, я так мало был осведомлен в делах журнально-литературных, что у Кон-

шла позднее, и мне некого в ней винить. Подстегнутый словами Фадеева, за дело, не откладывая, принялся одаренный писатель, профессионал, Виктор Авдеев, и скоро, пожалуй, слишком скоро, мы получили его повесть «Гурты на дорогах». Ко времени ее выхода роман «Молодая гвардия» начали критиковать за мнимые погрешности, в том числе и за искаженный якобы показ эвакуации, которой приличествовало бы — хотя бы в романе, если не в самой жизни! — быть исключительно организованной, четкой, спокойной, а хорошо бы и незатруднительной... И в пример «Молодой гвардии», в пример ее автор поставили... «Гурты на дорогах», а раз так, то повесть и отметили высокой премией.

Автор повести не вжился, не вметался, как мог бы, не испытался уникальным материалом жизни. Известная глухота к жизни оказалась и в том, что он перенес действие из колхоза в совхоз, не почувствовав, как много меняет такая перестав-

коллективизации, он стал тем — худо ли, хорошо ли, — чем и надлежит быть завершеному сюжету: тесным сплавом событий, часто от воли человека не зависящих, с характерами и волей самих героев.

Сюжет был выстрадан. Все было: вера и неверие в собственные силы, приступы к работе и малодушные отступления, пока герои, исподволь поселявшиеся во мне, не обступили меня так упрямо и настойчиво, что делать нечего, надо было браться за перо. И я благодарен обстоятельствам, что они придержали меня на долгие годы, допустили меня до этой книги, когда первые уроки литературной грамоты были уже позади.

Более того: с «Млечного пути» начиная, я приучил себя не доверять первым движениям мысли, первым наметкам — даже эффективным — сюжета, увидел пользу временных пауз, сложения в большой работе нескольких временных пластов.

А «Русский флаг», исторический роман, вышедший в 1953 году, неожиданно, даже

Я сказал, что дам ответ только после того, как познакомлюсь с рукописью и проведу какое-то время в Ленинке, чтобы узнать все об Агине, но в любом случае, если я и осмелюсь что-то поправить, соавтором я не буду, для меня это нравственно недопустимо.

Случилось самое горькое и непредвиденное. Чем больше я вчитывался в материалы, вглядывался в Агину, изучал периодику, мемуары, тем резче, непримиримее складывалось мое несогласие с образом зрелого Агина, Агина времен его почти одновременной работы над альбомом рисунков к «Ветхому завету» и иллюстрациями к «Мертвым душам» Гоголя, с образом Агина, как его понимала Маргарита Владимировна.

Шли месяцы, работа в Ленинке захватила меня так, что впрям было писать диссертацию. В конце концов, опасаясь неизбежной своей растерянности при таком объяснении и невольного ксенофобия, я написал Маргарите Владимировне большое письмо о невозможности для меня править или дописывать ее текст, невозможности перешагнуть через иной взгляд на вещи.

Последовала гневная отповедь и жаркая наша переписка, и новые встречи, споры и дружба, искренняя, тесная дружба до последних дней ее жизни. Но в первом письме она гневалась, что век исказил нас, молодых, что все мы испорчены вульгарным социализмом, что и сами слова в простоте не скажем, и чужого слова не примем в простом и прямом его значении... Дружба с Маргаритой Владимировной, скоро простившей мне «вульгарный социализм», была высокой для меня наградой.

А что же Агин? Как быть с ним, ожившим во мне? Как быть с грудой записей, карточек, выписок, фотокопий, с множеством страниц в тетрадях, помеченных литерами «С. П.» — «сюжетные предположения»? Как написать жизнь Агина так, чтобы даже внешне не коснулись тех мест действия, тех биографических эпизодов, тех реалий, которые так или иначе затрагивала Маргарита Владимировна? В Ленинку я ходил год за годом, работая над романами о Бабушкине, об Иване Васильевиче Турчанинове, и всякий раз — для разрядки, для отдыха! — искал и что-нибудь агинское, к жизни Агина, к его окружению относящееся. Поиски эти все ближе и неотменимее подвигали меня к Гоголю.

Но долго, слишком долго задача казалась невыполнимой, непосильной для меня, пока однажды волшебный кристалл моего сюжета не возник передо мной с пронзительной отчетливостью, как будто он четверть века лукавил, прятался от меня, а теперь открылся. Странно, но я бросился к литературе о телеграфной службе в России, от нее вдруг сделалась зависима реальность или нереальность единственного для меня сюжета романа.

К радости и торжеству моему оказалось, что телеграф по пути в Крым, в истекающий кровью Севастополь, пришел в Киев осенью 1854 года, следовательно, депеша адмирала Литке из Кронштадта о ранении Агина-младшего могла тотчас же прийти в Киев и потребовать в дорогу Александра Агина. Тяжелые облака, так долго затмевавшие небо, расступились, все складывалось стремительно и внешне просто, незатруднительно, как бы само собой: дилижансы, почтовые кареты, возки, бег через пол-России, из Киева в Москву, поезд Москва — Петербург, морская дорога до осаждаемого англичанами Кронштадта, на каждой почтовой станции альбом с гравюрами к «Ветхому завету» работы Агина, и на каждой — Гоголь, вернее, гоголевское — в людях, в ямщиках, чиновниках, ямских начальниках, попутчиках Агина. В стремительный сюжет, в неостановимое движение по городам и весям легла и вся другая жизнь Агина, как я ее понимал еще в 1952 году в Ленинской библиотеке.

Думаю, что сюжет «Портрета по памяти» — из самых сильных у меня, именно сюжет, а не уровень исполнения, о котором не мне судить. Работа над Агиным длилась 32 года, с 1952 по 1984 год, год первой публикации в журнале «Октябрь», но книги не было бы и сегодня, не было бы никогда, не открылся вдруг, в один из счастливейших дней моей жизни, сама возможность скорого телеграфного вызова и поездки Агина в морской госпиталь Кронштадта к раненому брату.

Без этого свободного, но строгого сюжета была бы гора материалов, с годами все более угнетающее меня знание предмета, мучительная невозможность творческого подхода ко всему корпусу накопленных сведений.

Все оставалось бы мертвым, не окропленным живой водой сюжета.

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

ПУТИ ЗАМЫСЛА

Константина Михайловича были все основания вернуться в Москву без меня, подосадова на потерю времени.

Но что-то он знал обо мне, чего не знал я сам, во что-то верил, и на следующий день мы оба сели в московский поезд. Предстояло главное: представление меня, новоиспеченного члена Союза писателей (с лета 1946 года), Александру Фадееву.

Мы встретились у Симонова в доме на Беговой, разговор за обедом и после него был самый нецеремонный, дружеский.

Фадеев задал мне единственный «канкетный» вопрос: чем я занят, над чем теперь работаю? И вдруг, изменив театральным пристрастиям, я заговорил о начале для «Мосфильма» сценарии, собственно, не о сценарии даже, который виделся мне еще весьма туманно, а о жизни, о великой эпохе времен войны, о захвативших меня судьбах колхозников Синельниковского района Днепропетровщины.

Спустя многие годы эта эпопея и легла в основу романа «Млечный путь». Но тогда я и помыслить не мог о романе: забыл о времени, я рассказывал о людях, которые всем селом ушли на восток от немцев, увели гурты — породистый, славившийся на всю республику скот, тронулись в путь на фурах, телегах, повозках, сохранившись — хоть и без земли, без машин и родных хат — как колхоз. В пути хоронили умерших, в пути сыграли свадьбу, познали и крайнюю нужду, и трагическое напряжение войны. Осенью в гуртах обнаружился ящур, и люди приняли мужественное, непредсказуемое по своим последствиям решение: они заразили ящуром весь большой гурт и стали карантинным, чтобы озом пройти через ящур — при всех возможных потерях! — всем гуртом, и снова в дорогу, на восток от приближавшейся фронт.

Летом 1946 года я подолгу жил в этом колхозе имени Ленина, напивался, памятью, сердцем, мыслью, событиями 1941—1942 годов.

...Разговор на Беговой касался многого: новых книг, МХАТа, работы Ангелины Степановой над главной ролью в пьесе А. Корнейчука «Мечта», Михаила Шолохова, который в те дни настойчиво звал Фадеева к себе в Вешенскую, планов обновленного «Нового мира», но рассказ о военной одиссее колхозников не забылся, задержал на себе мысль и воображение Александра Фадеева, затронул в нем художника эпического склада.

Спустя несколько дней на собрании в писательском клубе Фадеев, сославшись на «одного киевского журналиста», подробно и с неостышим жаром пересказал всю эту историю, упрекая литераторов в лености мысли и житейских наблюдений. Я даже поределел было. Горечь при-

новка. У автора совсем не достало времени на свободное, вариантное обдумывание лиц, характеров, судеб: художник стал как бы впритык к своему полотну, не имея и шага, чтобы отступить, обозреть всю панораму.

А во мне материал не утихомиривался, не умирал, повесть я читал не завистливыми, а полными горечи глазами, ценил, дар Авдеева-рассказчика, но видел и то, сколь многое, самое драгоценное оставлено без внимания. Сценарий мой, как это водится в кинематографе, давно был заброшен, оставались сотни листов записей, документов, а сотрудничество в «Новом мире», чтение чужих рукописей и работа над ними рождали во мне потаенную мечту приняться за свой «Млечный путь».

Скоро, в 1949 году, жизнь щедро предоставила мне возможность как угодно долго писать этот и любой другой роман, только бы я не писал театральных статей и не помышлял об их публикации. И подобно печально известному буриданову ослу, я заметался между двумя темами: «Млечным путем» и героической обороной Петропавловска-Камчатке в 1854—1855 годах, тем, что спустя четыре года стало историческим романом «Русский флаг».

Недавняя военная эпопея была мне ближе, все еще обжигала собственная моя память войны: отступление от Равы-Русской и Львова до Ахтыбы и Сталинграда, к Эльтону и Баскунчаку подкашивало меня сотни подробностей и лиц, образ земли, по которой шли колхозники, и неба над ними, но на моем пути стояла так превосходно названная повесть Авдеева, и более всего мешал использованный в ней, пусть торопливо и поверхностно, ключевой, беспрецедентный эпизод о ящурном скотом.

Из туника вывел меня дружеский и жесткий совет Константина Симонова: «Не трогайте пока этой нашей войны, — сказал он. — Она у вас не напишется. Вы психологически зажаты, несвободны, будете не правду писать, а доказывать свой патриотизм. Поживите несколько лет с офицерами и матросами старого русского парусного флота, душой отдохнете, — усмехнулся он, — а через несколько лет, если не остынете к гуртам, напишите и это».

Так я и поступил. «Несколько лет» превратились в два десятилетия, многое другое было написано, прежде чем на моем рабочем столе появилась законченная рукопись «Млечного пути» и роман опубликовали «Сибирские огни». И все эти долгие годы складывался сюжет романа, именно сюжет, то, о чем не расскажешь в нескольких фразах. Он сложился из внимательно исследованных судеб героев, уходил далеко в прошлое этих людей, в события времен гражданской войны и

парадоксально, подарил мне зерна, ростки много, нового сюжета, формирование которого на этот раз совершалось еще дольше — три десятилетия.

В ГОСТИНИЦЕ «Метрополь» еще с 1918 года жила Маргарита Владимировна Рокотова-Ямщикова, известная читающей России под псевдонимом Ал. Алтаев, — автор знаменитой с 1906 года повести «Под знаменем Башмака» и еще ста, если не больше, исторических книг. Крестница художника Агина, знаменитого иллюстратора «Мертвых душ», она написала воспоминания о нем и большую биографическую книгу о его детстве, о годах учения в Академии художеств, написала и третью часть — о последующих событиях жизни Агина, связанных уже с фигурами Некрасова, Тургенева, Панаева, Белинского и многих других выдающихся личностей нашей истории. И эта вот взрослая, зрелая пора Агина не давалась Маргарите Владимировне, все шло поверху, случайно, все кое-как держалось на бытовых стереотипах, а то и на устаревших, давно «снятых» исторической наукой мемуарных обмолвках.

Она как-то узнала о злословиях рукописи, а после и набора «Русского флага», попросила друзей раздобыть для нее полный типографский блок романа (самого набора уже не существовало) и, прочитав книгу, загорелась благородным желанием помочь мне. В назначенный вечер я поднялся на верхний этаж «Метрополя», некогда Первого Дома Советов, где еще оставалось несколько жильцов из числа тех, кто в марте 1918 года переехал из Петрограда в Москву вместе с Советским правительством.

Славная, умная женщина преклонных лет, пристальная и добрая, встретила меня в небольшой комнате за круглым рабочим столом, от которого она по нездоровью почти не поднималась.

Предложение Маргариты Владимировны ошеломило меня щедростью душевного порыва: она просила меня стать ее соавтором, довершить работу над книгой об Агине, а по выходе книги разделить с ней и суд критики, и авторский гонорар. Прочитанный «Русский флаг» убедил ее в том, что такое соавторство мне под силу.

Надежды на выход моего собственного романа у меня в ту пору почти не оставалось, будущее представлялось трудным, темным, но как я мог согласиться писать о том, чего не знал, позволить себе пристроиться, присоседиться к чужой, что ни говори, готовой рукописи?